

Свою жизнь *16 сен* я выстроил сам *с.5*

Григорий Яковлевич Бакланов не любит официально отмечать свои юбилеи. Вот и 75-летие встретит завтра, как всегда, в кругу своей большой и дружной семьи.

— Григорий Яковлевич, весной этого года за роман «И тогда приходят мародеры» вы удостоены Государственной премии России, с чем мы вас также поздравляем. А в последнем номере «Знамени» за прошлый год опубликован цикл ваших рассказов «Подводя итоги». Собираетесь подводить итоги?

— Итоги подводить приходилось в жизни много раз. Но ведь это не значит, что подвел — и жизнь кончилась. Когда завершилась война, я подводил свои первые и, пожалуй, главные итоги. Было мне двадцать два года, устройство мира я понимал плохо, за всю войну всего-то две книги прочитал: «Анну Каренину» да «Титан» Драйзера — те, что были в госпитальной библиотеке. Но очень важный итог подвел: мы сделали главное и для нашей страны, и для мира — победили фашизм, и в этой победе участвовал и я. А теперь вот русские фашисты, не скрываясь, маршируют...

— Как это могло получиться?

— Эти «кадры» подогревали про запас, это было давно заметно. Потом они и вовсе получили свободу.

— Но именно за свободу так боролась интеллигенция в начале перестройки и вы тоже...

— Да, у нас любят сворачивать в сторону интеллигенции и обвинять ее во всех нравственных грехах и моральных просчетах общества. А между тем в любой нормальной стране существуют законы, которые обязаны выполнять все без исключения. За невыполнение — наказание. Мы еще не начали жить по законам, очень важных законов просто нет. Их должна вырабатывать и принимать Дума, а там, как только нужно принять важный закон, начинается политическая дискуссия.

— Григорий Яковлевич, примерно десять лет назад появилось это понятие — «прорабы перестройки», в определенной степени его можно отнести и к вам, хотя депутатом первого созыва вы не стали, но многим помнятся ваши выступления на XIX партконференции, на встречах Горбачева с интеллигенцией. Не разочаровались ли вы за последнее время в былой активности? И почему вы тогда отказались от депутатства?

— Да потому, что депутат — это государственный человек, я себя таковым не считал. Помню, на съезде в Союзе писателей при квоте в десять человек надо было выдвинуто на второй тур восемьдесят. Я попал в эту десятку. Тогда я поражаюсь: неужели все эти люди считают себя государственными? Отказался, посчитав мое выдвижение вотумом доверия журналу «Знамя», который я возглавлял. Какое же может быть разочарование, когда страна впервые встала на путь, по которому идет большинство народов? Как ни тяжело нам сейчас, но это движение к будущему, а не к прошлому, не за колючую проволоку, куда и сегодня столько охотников загнать народ. Что же до разочарования, которое сегодня многих постигло, так, знаете, когда рождается ребенок, это не очень красивое зрелище. Но это человек рождается.

— И тем не менее могли вы десять лет назад представить ситуацию, которая сложилась на сегодняшний день в стране?

— В «Невыдуманных рассказах» есть такой эпизод. В самом начале перестройки один очень влиятельный член Политбюро спросил меня: «Как вы думаете, получится у нас или нет?» Я ответил: «Если есть продуманный экономический план, если точно знают, что делать, получится. В противном случае — растрясет телегу».

— А когда вы поняли, что телегу начинает растрясать?

— Очень быстро. Горбачев раз в полгода начал созывать главных редакторов СМИ. На одной из встреч он говорил: просим, если цены будут подниматься, не пишите об этом, мы вам сами скажем, когда можно. Я понял: дело плохо.

А главное — не чувствовалось здесь мышления экономиста. Или вот компания по борьбе с пьянством. У меня на кухне сидели мы

как-то с человеком, очень близким Горбачеву. Я спросил, просчитано ли, во сколько обойдется «сухой закон»? Он ответил: никто ничего не считал, можете мне поверить. А удар по экономике оказался в 40 миллиардов рублей! Вы помните эйфорию первых лет перестройки? Я проводил для себя такую аналогию: мы начали войну без 43 тысяч генералов и офицеров, которые были расстреляны или посажены в лагеря, и уже в ходе войны учились воевать и одержали победу. Так и перестройку начали без экономистов, шли путем проб и ошибок.

— И наошибались так, что люди сегодня тоскуют о запойных застойных. Может быть, коммунисты при таких настроениях действительно могут снова стать у руля?

— Думаю, что это невозможно. За все это время вы слышали от них хотя бы одну конструктивную идею? Сегодня требуется трезвый экономический расчет, как вывести страну из кризиса. У них такого плана нет. Находиться в оппозиции и ругать все и всех — легче всего. Они предлагают правительство народного доверия. Да это же просто смешно, если учесть, что народ уже ни Думе не доверяет, ни правительству. И вы знаете, о политике мне уже скучно говорить.

— Я как раз и хотела перейти к литературе. Уже кажется общим местом хоронить отечественную изящную словесность. Постоянный мотив: новых талантливых имен практически нет, а вскоре они и вовсе исчезнут. Согласны вы с этим?

— Нет, разумеется, не согласен. Хотя, что уж говорить, сегодня под модными вывесками андеграунда и постмодернизма выскочило огромное количество бездарных, но активных людей. Так было, в общем-то, всегда. Но посмотрите толстые журналы: в них новые имена. Работают в полную меру своего таланта и известные художники.

— Вот вы заговорили о журналах. Что с ними будет в условиях обвала рубля? Как они выживут?

— Мне эта ситуация знакома, я ее как главный редактор журнала «Знамя» пережил в эпоху Гайдара. Очень помог академик Тихонов. Он свел меня с Боровым, который стоял тогда во главе Российской товарно-сырьевой биржи. Мы напечатали их рекламу (которая, к слову, бирже вовсе была не нужна, это было меценатством со стороны Борового) и поправили положение журнала.

— Вам повезло: Боровой не выставлял условий.

— А я бы за «условия» и не согласился. Но был уверен, что журналу погибнуть не дадут. Потом я предложил Соросу план поддержки толстых журналов, подключили экономистов, составили бизнес-план. И за пять лет, что Сорос помогает журналам, он ни разу не спросил, что они там печатают.

— Вам жалко было уходить из «Знамени»?

— Когда уходил, пожалуй, нет. Я считал, что свое дело сделал. «Знамя», когда я им руководил, выпустило огромное количество настоящей литературы, до той поры закрытой от читателя. Сорок лет ждало своего часа «Собачье сердце» Булгакова, много пришлось бороться с цензурой за «Черные камни» Анатолия Жигулина. Да всего не перечислишь! Нам все время хотелось, чтобы журнал стал точкой приложения сил талантливых, думающих людей. Вот, кажется, таким он и стал.

— Григорий Яковлевич, вы фаталист?

— Нет. И не верующий.

— А вам много удалось изменить в своей жизни?

— Всю свою жизнь я сам и создавал. Мне было назначено не воевать, а учиться в авиационном техникуме. А я пошел на фронт. Меня не брали, но я добился, пришел к командиру полка, который вышел из окружения, и настоял, чтобы меня взяли на фронт. В 44-м году медкомиссия в госпитале признала меня негодным в строй, то есть инвалидом. А я вернулся в свой полк, в свою батарею, в свой взвод. Как видите, не кто-то свыше вел меня по жизни, а я решал сам. Всегда.

— Какие рукописи сейчас лежат на вашем письменном столе?

— Пишу новый роман.

— О войне?

— Нет, о войне я уже все, что хотел, сказал. Сейчас меня интересует и волнует современность. В издательстве «Вагриус» в серии «Мой XX век» скоро выйдет книга моих мемуаров о времени, о людях, с которыми свела судьба.

— Григорий Яковлевич, у вас есть ощущение, что нынешний мрак рассеется?

— Это пройдет. Мне, моим детям и внукам жить на этой земле. Мы ее берегли не для того, чтобы снова залить кровью. К сожалению, я слишком хорошо знаю, что это такое.

Беседу вела
Елена ГРАНДОВА